

29.09.93. - 1475. - 29.09.93. - 1.3

Как вас теперь называть, маэстро?

О, это было то еще зрелище! Первый раз в жизни я видел, как Чайковского играют под усиленной охраной омоновцев. Да, Петр Ильич мечтал, чтобы его «Торжественная увертюра 1812 год» была исполнена на площади в сопровождении натуральных колоколов и пушек. Но не о добрых же молодцах с резиновыми дубинками!

Впрочем, добры молодцы понимали, что охраняют не Чайковского, не оркестрантов и не дирижера... Они охраняют президента! Подобострастные телекамеры, скользя мимо музыкантов, надолго фиксировали в кадре именно его, как будто это он встанет сейчас за дирижерским пультом. Вот он, наш несравненный Борис Николаевич, и был центральной фигурой воскресного представления на Красной площади 26 сентября. А вовсе не Прокофьев с Чайковским, не Национальный симфонический оркестр США и даже не Мстислав Ростропович.

Вспоминать: впервые я увидел Ростроповича в 50-е годы. Как и многие московские студенты, я была одержима классической музыкой, многие вечера проводила в Большом зале Консерватории. И вот однажды на сцене появился... ОН! Дианное видение, худенький юноша с неземным выражением глаз. Он как-то стеснительно пристроился возле большой виолончели, потом ласково обнял ее, повел смычком, и... все вокруг обволоклось чем-то бесконечно нежным, сказочным, бархатным. Звук виолончели то гладил душу, то бередил какой-то тревогой... Игра закончилась, публика зашлась в аплодисментах, а юноша так стеснительно кланялся, будто это и не он только что звал нас к вечному, к прекрасному. Сколько лет прошло...

И вот — нынешний Ростропович. Вальяжный, знающий себе цену. Увешанный многочисленными регалиями и эпитетами от «выдающегося» до «величайшего». Но почему не греет мне душу его нынешний облик? Вроде бы так же слушатели заходятся в овациях. Вот только не пойму, кому они аплодируют: Ростроповичу-музыканту или Ростроповичу-политику?

Впрочем, история знает примеры, когда открытая политическая позиция не убивала в художнике художника. Бетховен, Пушкин, Шостакович... Но сегодня в политику ударились многие из тех служителей муз, которые, простите за грубость,

исписались. Потерявшие голос певцы, разучившиеся сочинять пьесы драматурги, лишившиеся божьего дара композиторы...

Если я в этот ряд помещу Мстислава Ростроповича, о знаю, в меня полетят камни со всех сторон: и от настоящих почитателей его таланта, и в еще большей степени от... демократов. Но вернемся на Красную площадь. Разве заметил кто, что маэстро дирижировал по памяти? Ветер перелистнул сразу несколько страниц партитуры и — ничего, дирижер заглянул и, как ни в чем не бывало, продолжал размахивать палочкой. Вот он и вообще встал спиной к нотам. Тогда зачем пюпитр с партитурой? А так, для пущей важности. И такое бутафорство пронизывало все празднество. В принципе, оркестр превосходно бы сыграл и без дирижера или, скажем, не сбился бы и тогда, если бы за пульт встал Борис Николаевич. А и сбился бы чуть-чуть, никто бы и не заметил, как не заметили того, что диктор на всю площадь переврал название произведения Чайковского...

Нет, маэстро, нет, уважаемый Мстислав Леопольдович, публика аплодировала вам не как дирижеру, а как политику. Раньше вы были советским музыкантом. Слово «советский» было лишь прилагательным, ибо вас слушали, вас любили за ваш талант, за вашу музыку. Никто из слушателей не интересовался вашими политическими воззрениями. Нынче — все наоборот. Нынче вас надо было бы назвать «антисоветский музыкант». То есть здесь, на родине, вас ценят не за ваше искусство, а за ваши политические культбиты.

Разве не политическим актом было ваше дирижирование так называемой оперой «Жизнь с идиотом»? Оперой, где герои прямо на сцене мочатся, испражняются, матерятся... Я понимаю, что, демонстрируя демократам свою неприязнь к Ленину, вы становились для них навек родным. Я могу допустить, что вы искренне ненавидите гениального Ленина. Но разве похабщина, матерщина и порнография — аргументы для интеллигентного человека? Да, после этого поступка я уже и не жду от вас нравственной позиции. Два года назад вы, маэстро, грудью защищали «Белый дом». Что ж ныне вы предаете этот же самый Дом? Ведь в нем находятся те самые депутаты, что помогли Борису Николаевичу стать президен-

том. Те самые, что два года назад вместе с вами защитили президента, а потом и наделили его неограниченными полномочиями. Те самые, которых президент предал, оскорбил, унизил, да еще и посмеялся над ними.

Так почему же вы, маэстро, не возвысили свой голос в защиту несправедливо обиженных? Неужели и для вас кто силен, тот и прав? Странно это... Когда-то вы совершили благороднейший поступок, приютив гонимого Солженицына. Пошто же ныне вы защищаете не гонимых, а гонителей?

Два года назад вы искренне полагали, что, защищая «Белый дом» и Ельцина, вы защищаете демократию. Ну и что, нашли вы в этот свой приезд хотя бы какие-то намеки на демократию? Раскройте глаза, маэстро! Как-то минувшим летом вы дали интервью газете «Культура», где восторгались демократическими переменами в нашей стране. Да еще посоветовали, мол, «когда происходит буря, всегда на гребне волны к берегу приплывает и мусор». Золотые слова! Только вот вы из своего прекрасного далека не перепутали ли демократию с хаосом?

Еще раз взываю к вам: раскройте глаза, посмотрите, ведь власть в стране захватили лавочники, которым наплевать и на демократию, и на ваше, маэстро, искусство. Главное: они — победители. Они победили собственный народ, испоганили нашу историю и теперь торжествуют победу... денежного мешка.

Для торгашей, маэстро, нет ничего святого. Еще только-только отзвучали последние звуки оркестра и колоколов, как трансляция была прервана рекламой каких-то зарубежных шоколадок. Это как раньше гуляли купцы, обжираясь и обпиваясь под пение нанятых ими цыганских хоров.

А после рекламы снова включили Красную площадь, и... вдруг из громкоговорителя раздался тот же голос жизнерадостного идиота, который переврал название. На этот раз он воззвал: «Пусть ваши аплодисменты великому Чайковскому будут одновременно аплодисментами президенту Ельцину и мэру Лужкову!»

Аплодисменты тотчас стихли. Телекамера срочно ретировалась, дабы телезрители не заметили растерянных лиц. Видно, даже самые отпетые демократы сообразили, насколько сие неприлично.

А вы, маэстро, сообразили? Наталья МОРОЗОВА.